

Не в грязи живет; не живет и в царских,
Скромный, палатах.

И объяснение, которое он дает, нравилось мне не менее, чем самая мысль:

Треплет буйный вихрь на горах свирепей

Гордую сосну; тяжелее рухнет

Башня с высоты; окрест глав зубчатых

Вьются перуны.

О том я и скорблю, что мне никогда не удавалось достигнуть этого скромного положения.

Августин

Но, может быть, то, что ты считаешь скромным, выше тебя? Может быть, истинная середина уже давно досталась тебе, и с избытком? Может быть, ты далеко превзошел ее и для многих служишь скорее предметом зависти, чем презрения?

Франциск

Пусть так, но я убежден в противном.

Августин

Неверное мнение, – бесспорно, причина всех твоих бед, особенно же этой, и потому, как говорит Туллий, тебе надо бежать от этой Харибды при помощи всех весел и парусов.

Франциск

Откуда я должен бежать и куда направить мою ладью? Наконец, чему ты велишь мне верить, как не тому, что я вижу?

Августин

Ты видишь там, куда ты направил взор, а если бы ты взглянул назад, ты увидел бы, что за тобою идет несчетная толпа и что ты несколько ближе к первому ряду, чем к последнему, но душевная трусость и упрямство не позволяют тебе оглянуться назад.

Франциск

Я оглядывался подчас и заметил, что многие отстали от меня. И я не стыжусь своей доли, но мне жаль моих забот и обидно за мои попытки, ибо я вынужден, говоря словами того же Горация:

Жить на авось, колеблясь висеть меж надеждой и страхом.

Избавясь я от этой тревожной заботы, я был бы с избытком доволен тем, что имею, и охотно повторил бы то, что он говорит в этом же месте:

Друг, угадай, о чем я молюсь, что в мечтанье лелею:

С тем хочу я пребыть, что ныне мое, – даже с меньшим;

Век остальной для себя провождать, сколько боги пошлют дней.

Но я всегда мнителен в отношении будущего, всегда тревожен, и потому дары судьбы не приносят мне никакой отрады. Притом до сих пор, как видишь, я живу для других, а это – самая жалкая участь из всех. Если бы по крайней мере остаток старости оказался для меня счастливым, чтобы, проведя жизнь среди треволнений, я мог умереть в гавани.

Августин

Что же, в бурном водовороте человеческих дел, среди такой непрочности успехов, в этой тьме, скрывающей будущее, и, коротко говоря, будучи во всем подвластен судьбе, – ты один из стольких тысяч людей хотел бы вести жизнь, свободную от забот? Подумай, смертный, чего ты желаешь! Подумай, чего ты требуешь! Что же касается твоих жалоб на то, что ты жил не для себя, то это не нужда, а рабство. Признаю, как и ты говоришь, что рабство – плачевная вещь, но если ты оглянешься кругом, то заметишь, что лишь очень немногие люди жили для себя. Ибо и те, которые считаются наиболее счастливыми и для которых живут тысячи, в то же время сами живут для других, о чем свидетельствуют их непрестанные бдения и труды. И разве (я хочу поразить тебя самым высоким примером) Юлий Цезарь, которому принадлежит это верное, хотя и дерзкое изречение: "Род человеческий живет для немногих", – разве он, принудив род человеческий жить для него одного, все-таки и после этого не жил для других? Может быть, ты спросишь – для кого? Как раз для тех, кем он был убит, для Брута, Цимбра и прочих зачинщиков предательского заговора, алчности которых не могла насытить даже его неистощимая щедрость.

Франциск

Признаюсь, ты убедил меня, так что я больше не негодую ни на свое рабство, ни на свою бедность.

Августин